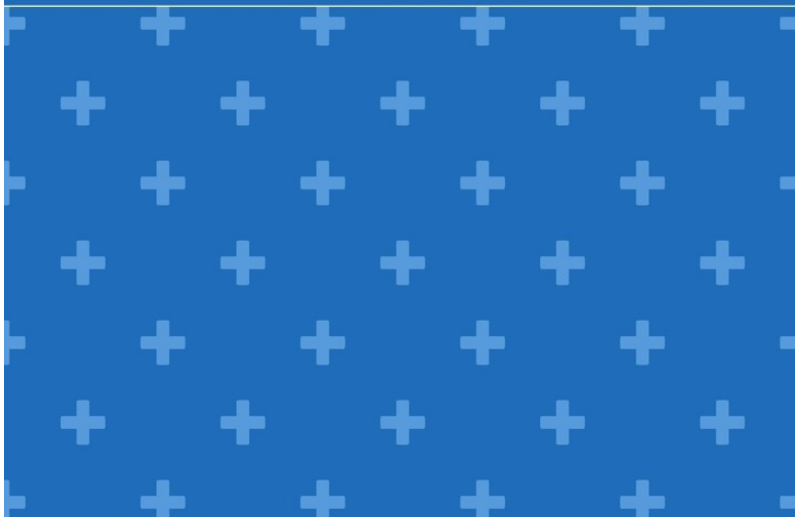


Мария Буркова

*Перепрыгнувшие
тысячелетие*

Современники и соотечественники



Мария Олеговна Буркова
Перепрыгнувшие
тысячелетие. Современники
и соотечественники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28265068

ISBN 9785449011022

Аннотация

Сборник заметок, появившийся как раз на миллениум... Именно так и вот об этом говорили окружающие на улицах и в транспорте... Иной раз это было так великолепно, что увековечить сказанное было просто необходимо.

Содержание

Речь угрюмого рокера на парапете набережной	5
Как быстро человек учится плохому	11
Женская солидарность	16
Летняя русофобия	20
Идейная шавка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Перепрыгнувшие
тысячелетие
Современники
и соотечественники**

Мария Олеговна Буркова

© Мария Олеговна Буркова, 2017

ISBN 978-5-4490-1102-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Речь угрюмого рокера на парашюте набережной



Эй, там, уберите нахрен свои мобильники, достали уже с этими бирюльками! Сами уберите и не врать мне, что на диктофон переключили! Гляделки можно не растопыривать, а вот уши наострить! Кароче, тема сёдняшней тусовки такая. Нынче сурьёзный день, без бе! Не, в ночной клуб мы сёдня не прёмся, эти каки хреновую тему выбрали, да и там уже троих на той недели угрохали насмерть, ну эту, блин, «Акулу», тоже обозвались и народ жрут, «Челюсти»

местного разлива. Да, и Ленина туда же, я тоже так считаю. Утихнуть там, ночи вам не хватит будто эсэмэсить. В общем, «Акула» прогнала канкретно и наехала на Деда Мороза, совсем берегов не знают. Ага. Не, крушить не будем, просто не пойдём. Там нынче деревенских понаехало, без нас им сцену разнесут. А то! Что значит, какой день?! Ха, среди нас есть лохи, что не знают, какой день, а? Ладно, сам скажу, раз такое дело. Деда Мороза за океаном обзывают Санта-Клаусом, это почему? Верно. Святой Николай. Итак, тема чаза про него.

Слушайте, чё я нарыл. До реформы Никона было много лохов, которые тильки крест на шею таскали, а чё к чему, знать не хотели. Ну, щас таких дубов хватает тоже. Так те дремучие даже не знали, чё такое Троица. Болтали, что Богоматерь с Сыном и Никола Угодник. Круто, да. А чё, вон у чукчей пиликены висят, дык Никола Угодник главный бог у них. Ну, чё взять... Кончайте ржать, кто мне скажет, когда жил и где? То-то. Миры Ликийские, это на Средиземноморье, где турки сейчас базируются. Лёха, покажи. Да не туда, левее по ссылке. Ну, вот география есть. Как зачем? Дослухай, а потом базарь. Конец третьего веку от Рождества Христова. Лёха, Патры показывай. Угу. Тут престарелые супруги, всего у них хватало, и даже кому подмочь хватало, а с детьми не получалось. Ну, понятно, кого хотели – сына. Молились, родился. Как и у нас щас бывает, предки в возрасте серьёзно к потомству относятся, и эти заботились, а не тока кормили-одевали.

Молодой Николай забил тусоваться со всякими подонками, не вставляло его впустую колбаситься, и занялся он самообразованием. Не то, что мы тут. Чего? Я не о том, не отвлекайся. Кароче, вырос парень к возрасту студента, получил сан и стал замом епископа тамошнего, так как тот был в годах и зашивался на посту без отпуска. Во-во, тут дьяконом запашешься, а то вся епархия свалилась. Ну как откель силы? Молился хорошо, вот и брались. Кароче, правил круто, свой капитал тоже тратил, тогда тоже не жирно христиане жили. Один папаша трёх красавиц сидел на мели и решил девок сводить на панель, чтоб скоробчить на приданое. Да, да, как эта Огудалова-маманя. Николай же ночью выждал и запулил этому балбесу в окно мешком с золотом. Да, силён. Мужик старшую дочку тут же выдал замуж. Николай повторил. Ну, вообще-то потому, что стеснялся он, благодарное нытьё слушать, а может, пошалить захотелось, наш человек, да. Ну, а на третий раз мужик Николая дождался и спалил, догнал и поблагодарил. Вот такая загогулина, понимаешь.

Потом через какое-то время поехал Николай на экскурсию в Палестину. Тормознул бурю, которая чуть порт не разнесла. Ну так, молитва силу уже имела. Это фигня, там в пути матрос грохнулся с вершины мачты на палубу, с жизнью несовместимо. Ага, вылечил на месте. Ну, там он ещё кучу народа вылечил и утешил, да житуху им подправил. Но это всё его стало доставать и он решил стать монахом, закрыться в келье и так жить. Ахтунг отсюда, особенно внимательно,

ну, все всё поняли. Обломал Господь, так и заявил ему на молитве, что есть дела поважнее. На родину Николай не вернулся, там его каждая собака знала, а ушёл в Миры, это тогдашняя столица Ликии была. А у них там архиепископ помер. И кандидатуры из своих подходящей нету. Ну, собрались на ночную молитву, ждут, и было им сказано, чтоб ждали в полночь в притворе паломника Николая. А тут нашему угоднику пришла охота помолиться перед сном, и пошёл он как раз туда, ничё, ясен пень, не зная. Тамошние его цоп – давай, мужик, ты у нас будешь архиепископом, таки дела. Николай, как известно стало, тока сказал, что, типа, кончилась моя жисть для себя, значит, пора для других пожить. И он это до сих пор делает. А тогда впахался он свирепо. Одевался скромно, ел даже просто. Епархия процветала и всё было тип-топ. Но, млин, как всегда... Етот хреновой памяти Диоклетиан борзел по-чёрному, храмы рушил, священников истреблял – ну, типа красный очень. Николай тоже сидел в тюрьме, потому как обличал уродов. Вышел тока, как император ласты завернул. Почём я знаю, как? Красные хорошо не умирают. Преемник, понятно, амнистию объявил и забил на всё, чё, дескать к Церкви приставать, нехорошо это. Зато тут вылез другой вражина, Арий со своей ересью. 325 год, Первый Вселенский собор. Арий тут типа дюже умный, его образумить пытаются культурно, мол, ты чё, охренел, Богородицу нашу обзывать? А тот визжит: «Христородица она, и вы все мудаки!». Николай слушал, потом ему надоело. Вре-

зал ему в челюсть хорошо, чисто за женщину вступился по-мужски, а у Ария там глисты, что ли, или ещё чего, заблевал пол чем-то мерзким. Сдулся сразу, обиделся и ушёл молча. Даже не вякнул! Тем паче народ кучно тут Богородицу узрел, что омофор на него возложила, это вам не фигушки воровьям показывать, дело закрыли тут же. А камеру, где Николай ждал приговора, даже мослики щас не трогают, вот так.

А ещё как-то голод у них там случился, в Ликии. Один торговец должен был хлеб везти. Целый крейсер, в Италию, что ли, не помню, это далёко от Ликии было. Снится ему ночью Николай и велит: покупаю всё, езжай ко мне, а пока тебе три золотых задатком. Просыпается этот чел, а в руке три золотых зажато! Приплыл, понятно. Давай там всем рассказывать, местные послушали, говорят, точно, наш архиепископ. Ваще у Николая уже дар телепортации тогда работал. Как-то мимо плыли в бурю чуваки, их несло уже в щепки, они давай просить о помощи, глядь – а Николай у руля, собственной персоной! Вывел из бури и исчез с корабля. Ну да, да. Как у того дальнобойщика с КаМАЗом. Дык у нас в России таких случаев тыщи, когда сам приходил. В Питере вот в блокаду дворник, что в часовне лопаты хранил по должности, а лампаду с иконой держал по собственному желанию, как-то карточки посеял, видимо, спёрли. С утраца в подсобку стук, дедуля с добрыми глазами: «Возьми, мил чел, должен я тебе». В свёртке карточки и хлеб такой, что никакая пекарня не пекла. И следов на снегу нет, как водится, или есть,

но пропадают. Ну, про уголь с продуктами у вдовы в войну тоже слышали, да? Верно, такого куча. Всё не перескажешь. Да не шумите вы там, у куста! Потом обсудите.

Дык, я о чём? Айда через мост, в Нико́ло-Инноке́нтьевский! Как раз к службе поспеём!

Как быстро человек учится плохому



Моя подруга-художница живёт в подъезде с домофоном и старыми традициями – всё, что жильцы в подъезде оставляют, всегда было в целостности-сохранности, от сумок до цветов. И тут, под утро, исчезает с площадки коробка с рамами и некоторыми работами – Анна собиралась навести в квартире перестановку, и только потом нашлось бы место для этого добра. В подъезде только две квартиры с новыми жильцами-квартирантами – многодетная семья киргизов наверху и четвёрка студентов по соседству на этаже. Первые под подозрение не попадают – не те интересы у них, да и шорох от утаскиваемой коробки верхние соседи не слышали,

а смежные и сама пострадавшая – слышали, но не выходили из квартир, не придав этому звуку нужного значения. Пятница, раннее утро, Анна мчится на работу в вуз, к своим студентам – а коробки нет! В обед встречается со мной в кафе, чуть не плачет – работы там были недублированные, второй раз так не нарисуешь, да и рамы нужного размера, а вроде как НЕУДОБНО идти к студентам в квартиру, дескать. Фыркнув в кофе, я сообщаю ей не то, что думаю об интеллигентности и кроткости подруги, а также минусах домашнего воспитания рафинированных барышень (помню я прекрасно, как она с одноклассниками пряталась у меня в юности, кривая, как ятаган), а железно заявляю, что после занятий я подруливаю к порогу, забираю её и еду разбираться с обнаглевшими сопляками с помощью себя-любимой и своего брата – он как раз в городе и для солидной декорации вполне годен. Приходится частично вводить её в курс дела – мол, коробка крупная, в квартире под тумбочку не спрячешь, значит, нужно ворваться в квартиру под любым предлогом, а потом уже вынести коробку вон, вежливо ругаясь и туманно намекая на грядущие неприятности. «Как?» – хлопает ресницами Анна. – «Ты хочешь проникнуть в чужую квартиру? Это же противозаконно и... некультурно!»: -
О

Эх... Я кратко, как ВВП, пояснила ей, что думаю насчёт законов в РФ (примерно то же, что сам ВВП; -)), и указала

на то, что сопляки хоть на секунду, но замешкаются, поелику знают, что накосорезили, а мне хватит этого времени, чтоб вломиться внутрь – а поскольку поодаль будет стоять молчаливый джентльмен сурового вида а-ля современный чекист – мне-то ничего и не угрожает, а уж коробку с творчеством Анны я увижу, это, чай, не иголка. И действовать надо срочно – не то за выходные работы растащат студенты и получат свои оценки, поставив автографы на её труд. А полицейским нахрен не нужно заниматься подобным делом – у них и своих полно – да и лицо у тебя, красотки, в их градации тянет на дуру как минимум, уж извини... И никуда студенты со съёмной не по агентству квартиры жаловаться не побегут – они и так дрожат, что могут вылететь с места, за которое не платят по рыночной цене, может, нас хозяин квартиры уполномочил сделать досмотр. «Он не берёт трубку» – с грустным вздохом добавила подруга. – «Наверное, всё пропало. Может, не стоит вовсе этим заниматься?»

Возможно, мой взгляд был излишне красноречив. Возможно, у меня потемнели от гнева глаза – иногда, говорят, это у меня случается и не сулит ничего хорошего. Смолчав, я прозвонилась брату, пояснив, что у МОЕЙ подруги украли её творчество и имущество, и надо теперь отобрать его у воров. Он у меня человек простой, адекватный, посему утвердительно хмыкнул и осведомился, когда и куда ему следует подойти – вопрос-де понятен вполне. Назначив вре-

мя полдника, я объявила Анне, что операция запланирована и неизбежна, и ретировалась – я сама опаздывала по своим делам...

В назначенное время Анны не оказалось на месте, последнюю пару она, по словам вахтёра, отменила и ушла. Телефон нашей леди духов и туманов работал, но трубку она не брала. Мы отправились с братом фыркать кофе, и, когда мы уже расположились за столиком, телефон ожил – это Анна торопилась отчитаться о происходящем, зная, что мы её ждали. Итак.

Анна дозвонилась до владельца квартиры, где жили эти студенты, и объяснила ему, что стоимость позаимствованных квартирантами работ приближается к аукционной, и она этот эпизод оставлять так не намерена – через час все соответствующие заявления принимаются кем надо к рассмотрению, и будут приняты все мыслимые меры, потому что принимающие заинтересованы материально найти пропавшее. Что в случае игры в непонятки она не гарантирует сохранность здоровья похитителей, ибо не знает всех методов получения информации по нужным вопросам, которые обычно используют заинтересованные в находке пропавшего у неё люди. Сама она тем временем уже ломилась в дверь в квартиру, привлекая внимание своих соседей, которые, узнав, в чём дело, стали уверять, что и сами этого дела на самотёк не пу-

стыт и недовольны также шумными вечеринками студентов, а кто-то даже в голос объявил, что лично заступает в караул с целью повылавливать «этих каналов» и близко с ними пообщаться. Итог – коробка была спешно «найдена» и возвращена с извинениями и уверениями, мол, полагали, что она была не нужна и т. п. Уверения не помогли, и половина подъезда, в т.ч. глава семьи киргизов наверху, долго читала мораль молодёжи о том, что делать следует и чего не следует. В общем, вечер удался у всех...

Но вот скажите мне, пожалуйста – почему один считает, что присвоить чужое есть норма, а другой боится потребовать своё же? И почему мне нужно было морально давить на подругу, чтоб у неё наконец-то сработало разрешение отстаивать своё? А главное – я очень скверная девка, раз учу людей плохому – это мне мама заявила. С моей точки зрения – это маразм, но мама вроде вполне в здравом уме, да и врачи говорят, что у неё всё в порядке.

Элен

Женская солидарность



Не делай мужчине больно для
развлечения

Он остаётся человеком - а ты уже нет

Практикум. Группа досталась – десять девок, столько же парней, но в наличии сегодня их нет. Они часто так ходят – по полгруппы, по три четверти... Лично мне без разницы – сдают всё вовремя, и ладно. Сдали мне допуск, возьмётся возле установок. Занятие идёт себе, вдруг стук в дверь. Староста выходит в коридор, узнать, в чём дело, кого надо. Довольно быстро заскакивает снова в лабораторию, взволнованная и резко энергичная, подбегает буквально к одной из девушек

и едва ли не тащит её за дверь, суетливо приговаривая (дословно):

– Лютикова, это к тебе, я тебе настоятельно рекомендую поскорее выйти к этому посетителю, пока он не исчез никуда!

Та, задумчиво пожимая плечами, подчиняется. Охнув театрално и глубокомысленно, староста молча погружается в работу. Остальные предпочитают дожидаться развития событий, нежели выспрашивать у ней. Довольно скоро появляется Лютикова, с блаженным удивлением на лице и красивым букетом в руках. Надо сказать, даритель подобрал букетик со вкусом, он очень ей подходит. Букет быстро засунут в колбу с водой, счастливая обладательница некоторое время глядит на него, слушая похвалы и поздравления (отмечу, все – очень искренние и доброжелательные), радостно сообщает, что «настроение очень поднялось». Всё быстро стихает, все уходит в работу, и минут двадцать уже как букет забыт. Вдруг все почти разом оборачиваются на этот новый предмет интерьера, и в глазах у девчонок читается неподдельная озабоченность и тревога. Молча переглянувшись и поняв, что все думают что-то очень конкретное и цельное, в едином порыве, сбиваются в кучку на совещание. Я пожимаю плечами: мол, перерыв – ваше право, утыкаюсь в ведомость. Слушаю.

– Что-то эта затея чем-то мне не нравится, явно же подарено с целью Лютикову перед нами засветить.

– Да уж, кабы дарил только ей, так поймал бы её одну и вручил, а то перед всеми, и нами, и Алексеевной...

– Это он что, показывает всем, какой хороший, да, чтоб мы Лютиковой это сказали?

– А можно подумать, никто так не подумал и не захотел сказать!

– Вот именно, это двойной приём – дескать, пусть Лютикова знает, какой он типа хороший.

– А почему он так в себе не уверен, что ему нужна наша поддержка?

– Подождите, а ему Лютикова нравится или процесс ухаживания за ней?

Подаёт голос сама Лютикова:

– Ваша поддержка если – так пусть вам всем по конфете даст тогда! Хотя, это слишком ясный намёк будет...

– Ну нет, дарить чего нам – больно жирно, вопрос в том, почему твой подарок так пропиарен.

– Да ясно всё – намёк, что я-де ему обязана, поскольку все вы букет видали.

– Дамы, вообще-то Лютикова у нас в особом статусе, с тех пор, как стала манекенщицей, хе-хе!

– Стоп! вот и смысл – статусная заморочка, всем продемонстрировать типа симпатию.

– Тэкс, за один букетик – целая Лютикова, парень умеет считать, однако!

– Маловато будет, надо ещё подождать!

– Так и подождём!

Лютикова с нехорошим подозрением глядит на подарок:

– Эх, знала я, что тут что-то не так!

Староста уныло вопрошает:

– И что, ты его домой не понесёшь, что ли?

– Как ты себе это представляешь, что я мужу скажу?!

– Но ведь его теперь не вынести отсюда, на входе весь факультет видел, как он его заносил...

Итог совещания: букет вручили мне, я ж им в матери го-жусь, дескать, да и не подозрительно – преподавателю отдать. Так он и стоит у нас на кафедре – не уносить же домой, что я мужу скажу?

Или мы не правы?

Алексеевна

Летняя русофобия



Итак, летняя гроза, дорогие читатели. То есть, чёрная туча, сверхчёрная, ползущая по небосклону 50 минут, а потом начинается усиление ветра. Через пять минут усиление перерастает в шквально-порывистую фазу, ещё через пять – пыль встаёт стеной и дрейфует по направлению ветра вкупе с лёгким городским мусором. Через три минуты – стрррашный порыв ветра, срывающий что попало откуда получит-

ся, и опрокидывающий всё, что может опрокинуться, после чего сверху начинают валиться огромные капли неторопливо начинающегося ливня, который в дождь-то превращается лишь ещё через пять минут. Вопрос: сколько раз ДО начала собственно буйства стихии может приготовиться к её нападению продавец, стоящий за столиком уличного лотка со всякой ерундой от носков и гуталина до парфюма и бижутерии? ЧТО должен он сделать, видя, что туча надвигается бесповоротно и ветер усиливается? Я, наивная, полагаю, что тут не надо быть гением или обладателем университетского диплома, чтоб сообразить, что зонтик надо сложить – иначе ветер перевернёт прилавок и всё опрокинет на грязный асфальт. И вот тут-то отличия и начинаются. Торговцы-азиаты (на рынке можно встретить любых торговцев – от негров и китайцев до финнов и немцев) загодя или свернули торговлю вообще, выехав за четверть часа до разгула непогоды, либо замотали товар целлофаном так, что в ящики даже пыль не попадёт, и прикрепили его столь хорошо, что, убрав зонтик, вместе с дачниками и прочими окрестными крестьянами спокойно переждали дождь, а затем продолжили спокойно торговлю, когда ливень схлынул и выглянуло солнце. Буряты, китайцы и монголы вообще не сворачивались, а лишь отсортировали товар с прилавков по ящикам – убрали то, что ветер и дождь могут попортить, остальное разложили и прикрепили. Кавказцы пригнали пару автобусов – в них на время ливня спрятались продавцы с товаром, ко-

торые после грозы оперативно выбрались на прежнее место торговли. И только русские тётки, у которых на лбу кроме института читается томик Есенина и пачка вечерних сериалов, офигенная одухотворённость и ещё чёрте какая вселенская грусть, не сделали НИЧЕГО, предоставив погоде свернуть лотки, вывалить в чёрную пыль и зарождающие лужи товар, а малолетним клошарам – хватать упавшее целыми баулами и быстро убежать с похищенным. Одни пытались что-то из упавшего и уносимого ветром поймать – и являли собой ныло-весёлое зрелище, другие стояли столбами, и ещё одну я видела с мобильником – она хныкала кому-то о том, что прилавок шквал своротил и грабители орудуют, полагая, видимо, что собеседник мановением мысли всё за секунду вернёт, как было. Сибиряки – народ насчёт погоды спокойный, ходить между лотками, торговаться и делать покупки, будто ни оглушительного грома, ни стены дождя вообще не существует – желающих хватало, кто-то, как я, в ветровке и лёгкой обуви, кто-то – нацепив предлагаемые лоточниками же целлофановые плащи. И вот я уже вижу, как владелец точки не только не сочувствует «несчастью» бедных русских куриц, но и штрафует за халатное отношение к обязанностям, а они понуро тащатся домой и хнычут о жестокости и несправедливости мира. И меня, такую злую и отвратительную, в спину матерят. Поневоле станешь тут русофобом!

Элен

Идейная шавка



Где на борту
нарисован крест - там
мы и нужны.

Имперцы безбожниками не бывают.

Захожу тут как-то в один книжный магазинчик с целью

приобрести Ильина, Победоносцева и что-нибудь интересное по истории. Гляжу – а совмещён он с лавкой церковной утвари. Тоже неплохо, думаю, свечи и лампадное масло – вещь нужная. Ну, и застрял там среди православной литературы прочно, выбирая, что бы почитать ещё интересного и важного. Роюсь не торопясь, откладывая у продавца то, что приглянулось. Как вдруг... Грохот был глобальный – это посетительница на входе умудрилась налететь на кусок бордюра, подпиравший дверь, дабы внутри магазина от июльской духоты не свариться. И, что меня сразу позабавило, начала эта объёмная дама, весом, должно быть, в центнер, шуршать этим отрезком бетона, дабы, дескать, установить его так, чтоб понизить риск травматизма, из чего я сделал вывод, что уж точно травму она получила на порядок меньшую, чем шумела в голос. Но я решил, что при очках с такой диоптрией ещё и не такое бывает, и уж совсем бы не обратил внимания на дальнейший шум и гам, который производила вошедшая, напомнившая мне мою злобную завучиху – и возраст предпенсионный, и волосы тёмно-шатеновые, и манеры неудачливой огородницы в пригородной электричке, кабы меня оставили в покое.

– Юноша! – призывно окликнула меня вошедшая. – А вы поставили тут свою подпись?

«Это ещё где тут?!» – свирепо отозвалось моё студенческое культурологическое подсознание, впрочем, я его плохо слышал, так как по интонации признал вовсе не наш

школьный ужас, заседавший в соседнем с директорским кабинетом, а нашу техничку, свирепо гонявшую шваброй нас из туалета, так как опасалась, что мы начнём там курить. А вот с «юношей» я загрузился. Уже лет десять, как новые клиенты осведомляются о моём отчестве с начала разговора, а на прошлой неделе я с горечью обнаружил редкие, но заметные проблески седины в шевелюре. А может, виноваты всё же очки вошедшей, или ей мешает плотный светлый платок?

– М-м, – растерялся я, – Вы о чём, сударыня?

Горе мне! Минут пять меня атаковал натуральный шквал эмоций, и я, вялый от полуденной жары, не сразу понял, в чём, собственно дело, тем более, что инстинктивно испугался, почувствовав те же приёмы общения, которыми пользуются торговые агенты и промоутеры, навязывая свой товар. Я честно забоялся, уж не попал ли на какую-нибудь представительницу очередной секты... Но, как оказалось, речь шла о сборе подписей в поддержку знаменитого епископа Диомида. Ох уж мне эти сборы подписей, неизвестно, куда и к кому потом твой автограф попадёт! Помню, подписал только однажды, какой-то молодёжи, против «реконструкции» иркутской Набережной, и то потому, что подписывался прямо на тексте. Однако мои сомнения в правильности оформления подписного листа были расценены едва ли не как личное оскорбление. К тому же меня раздражала свирепая уверенность дамы в том, что я обязан поставить под-

пись, и всё! Я решил пойти на попятную и просто побеседовать о навязываемом мне предмете.

– Ну, а Вы сами-то, сударыня, разве знакомы лично с этим епископом?

Женщина презрительно глянула на меня и в качестве доказательства протянула мне глянцевою книгу с прилавка и пару номеров газеты «Дух христианина». К немалому огорчению моей собеседницы, я не только читал указанное, но и имел своё мнение по вопросу, которое вовсе не считал нужным высказывать. Ещё более расстроило её то, что я, оказывается, читал текст «Обращения», и сказал, что сказано верно.

– Ну, и что вас тогда не устраивает?! – прогремела пожилая незнакомка.

Я зря не подумал, что вообще-то не обязан ей ничем, и уж совсем без всякой задней мысли ответил. Что меня настораживает отменное типографское качество газеты (и книги тоже), что говорит о хороших финансовых возможностях издателя; не такой вид имеют издания, выпускаемые на пожертвования. Что меня настораживает мощная поддержка Диомиды среди как раз антихристианской публики. Так, текст «Обращения» Владыки Диомиды мне попал год назад, его прислал один мой колоритный знакомый, начинавший в родном городе с анархо-коммунизма, пламенного поклонника Че Гевары и «мировых пожаров», корреспондента одного из антихристианских изданий, теперь именующего себя род-

новером. Что меня настораживает резкая политическая направленность газеты, в частности, резкая сербофилия, по-другому оно не называется, а также весьма неумная критика действующего режима, вплоть до завуалированных призывов к неподчинению, а это уже провокация. Что глупо перепечатывать жития святых в газете, желающие всегда их могут найти в библиотеках или магазинах, а газета – по определению листок с новостями, и не более того. Кроме того, я не уверен, что перепечатка идёт без искажений, а отсутствие разъяснений, элементарного редактирования даёт обратный эффект – любознательный читатель, как правило, человек светский, которому нужны пояснения, почему так, а не иначе, и как раз у такого читателя формируется ощущение, что православные святые есть попросту умалишённые, опасные сумасшедшие или асоциальные элементы. Что разводить истерию вокруг паспортов, ИНН, лазерных кодов выгодно лишь тем, кто хочет внушить публике, что Православие есть религия идиотов и шизофреников. Потому что ещё никто мне не смог объяснить, почему именно лазерный код надо считать печатью антихриста, и автор этих инсинуаций не спешит себя обнаружить. Что я внимательно читал Откровение, и знаю также о судьбе рода лукавого и прелюбодейного, который всюду ищет знамения и «пророчества». Что и пророчеств уже исполнилось – куча громадная, и коль скоро конец мира не настал вчера, то это значит лишь, что кто-то ещё, нужный Господу, может спастись, и надо бы сле-

довать словам Серафима Саровского: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи». Что я, наконец, ни разу не видел, чтоб причащали в храме даму без платка, в брюках или в очень летней одежде. Ну не видел, а я прихожанин всё-таки. И нечего рычать вслед молодым леди, которые летом на подступах к храму укутываются в непрозрачное, надевают платок и заходят – у нас государство нехристианское, так радуйтесь, что молодёжь в храмы двинула. Они идут к Богу, а не к вам лично, и не вам судить, что у них там внутри, лучше помолитесь, чтоб вразумил и направил тех, кто далёк от веры. А также я не слышал, чтоб кто-то с амвона агитировал за действующий режим, враньё это, потому что кесареву положено кесарево. Зато слышал, как батюшки не в меру политически активных захожан остужали: мол, молись, как святые делали, Господь услышит и наставит. И поступок Дидомида сродни действиям сержанта, дающего советы главнокомандующему. Вот и получилось – хотел, как лучше, вышло, как всегда.

Любопытно, что из всех затронутых мной тем дама начала с одной...

– Эти девчонки – блудницы! – завопила она, хватая ртом воздух и дёргаясь всем телом.

– Вам не стыдно? – загрустил я, подумав, что собеседница судит по себе. – Такое знать может только Бог, а не вы, но даже если б и случилась среди них такая, то пример Марии Египетской у всех перед глазами, о Равноапостольной

Магдалине можно и не упоминать. Но поверьте солидному женолюбу: бляди в храм не ходят, им бес похоти не даёт.

– Ой, неужели правда? – встряла в нашу дискуссию продавец. – А Вы это точно знаете?

Я грустно вздохнул и заверил, что да, офисного планктона, мажорок и неформалок перевидал достаточно. Работа предпринимателя не из лёгких всё-таки, людей видишь часто. И далеко не всякая красивая и эффектно одетая девушка или дама есть испорченное создание. Напротив, как раз красивые женщины отличаются умом и добротой, а истинные искательницы приключений и удовольствий при всех внешних украшениях выглядят отталкивающе.

– Но это всё приводит к разврату! – свирепо заключила атаковавшая меня посетительница. Я вдруг словно услышал издали фразу из старого любимого фильма: «Мы, старые работники культуры...».

– Не скажите, – ровно, но жёстко возразил я, – если я люблю красоту, созданной Господом, то это отнюдь не означает, что у меня уже завелись хульные помыслы. Когда заводятся, так это моя проблема – с ними бороться. Это только гнилые тупицы дальше тела не видят, а женщина создана Богом для украшения мира. Вам самой не стыдно думать, что все женщины – проститутки? Сейчас лето и жара!

– Вы что, не видите, какими взглядами смотрят на них мужчины?! – тоскливо взвыла незнакомка и затряслась всем телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.